

📖 Поэзия:
Алексей Сомов

ОПЫТЫ ПРИБЛИЖЕНИЯ

- * КАИН ВОПРОШАЕТ
- * СТАРОСТЬ
- * АПРЕЛЬ
- * *С бутылкой дрянного веселого пошла...*
- * COMMONPLACE
- * *Вроде бы postscriptum...*
- * НАПУТСТВИЕ
- * РВАННОЕ
- * ДЕКЛАМАЦИЯ
- * ТЕБЕ
- * СОНЕТ С НЕТОЧНЫМИ РИФМАМИ
- * *Из домов, где плесень и ржавь...*
- * VI.
- * ВАЛГАЛЛА
- * УТРО СЕДЬМОГО ДНЯ
- * НЕКРОПОЛЬ

КАИН ВОПРОШАЕТ

*И призрел Господь на Авеля и на дар его;
а на Каина и на дар его не призрел.*

Бытие 4:4-5

Ужель я сторож брату моему?
Тому, что сделал я, виной не зависть,
но ревность первородства...

Почему,
на злаки полевые не позарясь,
Ты отдал предпочтение ему?

...И в сердце копошащаяся туго
стальная завязь смертного стыда
(ах, изобилье Авелева тука,
его тяжелорунные стада!) -
и нож, меж ребер выросший отвесно,

и долгое схождение во тьму...
Не по уму - по совести ответствуй:
ужель я сторож брату моему?

^
--

СТАРОСТЬ

От тебя мне и теперь - никуда:
ни на строчку, ни на шаг, ни на миг.
Полновесная твоя нагота -
льном и творогом в ладонях моих.
Значит, вымелькал еще один день,
канул в лето, словно взмах или вздох...
Значит, главное и впрямь - в ерунде:
забавляться со щенком и звездой,
слушать, треску новостей вопреки,
незатейливый напев тишины,
кашеварить бы в четыре руки
да наутро пересказывать сны...
Перспектива глубока и ясна,
как небес парных глотнула взаймы.
А под занавес согреет и нас
бледно-розовое солнце зимы.
Только снова обретенно прильну -
напоследок, на лету, на бегу -
к непорочному, несмятому льну
лона, голеней, лопаток и губ.
... Значит,
дело-то - увы! - к ноябрю.
Значит - хватит нам страстей да обид.
Буду реже говорить, что люблю,
буду истовой и злее -
любить.

^
--

АПРЕЛЬ

В. Фролову

Кому рассказать, как апрель собирает долги -
по нитке, по нотке, по шмотке, по солнечной
капле...
Ни Богу, ни сердцу, ни ветру не верь и не лги,
забившись спросонья в колючем предутреннем
кашле.
...Он шествует по головам и размеренно пьет
из терпкой небесной реки, что дарует забвенью,
свободный, как только что трижды отрекшийся
Петр,
и дерзкий, как те васильки у обочин сабвея.
Он вавилонянин, чьи окна глядят на закат,
а стопы бесчувственно вязнут в сугробах осевших,

болтающий лихо на выморочных языках
и знающий толк в предназначенных свыше
осечках.
Какая хромая судьба воедино свела
его и тебя, невеселый расхристаный дервиш?
И чаша наполнена всклянь - высока и светла,
но так тяжела - не выронишь и не удержишь...
А все-таки ты вместе с ним без опаски войди
под вечнозеленые своды - но прежде разведай,
далеко ль еще до пречистой воды
и долго ли до рассвета.

^
--

* * *

С бутылкой дрянного веселого пойла -
не жди, не удерживай, не окликай! -
пройтись бы однажды по минному полю,
по минному полю, как по облакам.
И как ни подначивай ветер ледащий,
и сколько б мостов за собою ни сжег -
все глубже и глуше, все дальше и дальше,
глота ботинками талый снежок...

^
--

COMMONPLACE

Ангел со школьным ранцем
на деревянных качелях.
Сегодня забудут имя,
завтра - год и число.
Деревья стучатся в небо,
худые руки калеча.
Все, что должно случиться,
уже произошло.

Но эта плоть еще дышит,
эта плоть - еще дышит!
Синеющие губы
копят последний смех.
...Качели с пустой перекладиной
раскачиваются все тише.
Старенький школьный ранец
летит в прошлогодний снег.

^
--

* * *

Вроде бы postscriptum
(фактически - post mortem):
ночь проникает в вены,
словно ржавая бритва.
Главное - дотянуть до лета,
а там посмотрим...
Впрочем, сия картинка
также весьма обрыдла.

Что остается?
Долги, похмелье, колючий кашель,
табачку - на закрутку
и чаю на ползаварки.
Главное, дотянуть до лета -
и мы покажем...
При наличии зрителя,
соглядатая ли,
зеваки...

^
--

НАПУТСТВИЕ

...Знаешь,
вечное бремя забот и сует
брать с собою в дорогу -
плохая примета.
Только радость и свет,
только радость - и свет.
Только радость и свет -
ничего,
кроме света.

Что ж ты губы кусаешь
и хмуришь чело,
и опять
обреченно взыскуешь ответа
в этом мире,
где вечного нет ничего,
в этом мире,
где нет ничего,
кроме света...

^
--

РВАННОЕ

Всякая вещь на свете имеет свойства.
Земля и небо говорят отнюдь не стихами.
Но будь мы звезды - стояли бы крепко, как звезды.

И будь мы камни - летели бы в пропасть, как
камни.
Смысл этих слов темен... Звук тщится
вырваться из себя, памятуя о чуде.
...Будь мы рыбы - пели бы, как птицы.
Будь мы боги - стали бы смертны, как люди.

^
--

ДЕКЛАМАЦИЯ

Саше и Даниилу -
с любовью и черной завистью

Мои друзья читают нараспев,
враскачку, словно мудрецы над Торой,
имея оглушительный успех
в пределах небольших аудиторий.
Я ж - из породы мямлей и заик -
в растерянности, страхе и печали
кривляюсь и немотствую за их
почти обронзовевшими плечами.
И строчки сами громоздятся встык,
бессовестно гнусавы и картавы -
и комкаю неблагодарный стих,
застрявший в обезвоженной гортани.

Мои друзья читают нараспев...

^
— —

ТЕБЕ

Что нам звездные войны и пыльные дрязги,
что нам вечный разлад между ночью и днем?
И в холодной степи, и в автобусной тряске
мы друг друга наощупь губами найдем.
...Мы умрем.
Наяву ты безжалостно гонишь
от себя эту мысль, как назойливый взгляд:
в слишком темной крови тлеет нежная горечь
поцелуев, касаний, прощений и клятв.
А по мне - так и небо усталое рухни
всею тяжестью тысячетонною ниц,
только б в месиве рук отыскать твои руки,
и слепыми провалами мертвых глазниц
увидать,
как в спрессованных толщах асфальта
зреет горькая нежность тугого ростка -

и припомнится все: наша нищая свадьба
и весеннего грома роскошный раскат,
хрупкий утренний лед,
обернувшийся сталью,
синева над рекою и там, в синеве -
нескончаемая журавлиная стая
уносящихся вдаль дочерей-сыновей...
Только б длились безгрешные наши объятия
этот день,
 эту ночь,
 этот век,
 этот миг,
и не близился срок возвращаться обратно -
в пустоту нерождений
твоих и моих.

^
--

СОНЕТ С НЕТОЧНЫМИ РИФМАМИ

Воистину ль обрящет тот, кто ищет?
На циферблате ночи - время икс.
А ты опять оплакиваешь иск
хромой судьбы. И музыка все тише.

И голоса уж не слышны - ни птичьи,
ни ангельские... Только страх и риск.
Бредешь, полуслепой от звездных искр,
и бархатную мглу зрачками тычешь

среди усталых стен, меж пьяных строк...
А вот поди ж ты - наяву и рядом!
...И ни один урок тебе не впрок,
когда в сияньи тысяч зимних радуг
неловкая, нечаянная радость
взойдет без приглашенья на порог.

^
--

* * *

Х.Р.Хименесу

Из домов, где плесень и ржавь,
на закат дорогой прямою
мы уходим - не удержать! -
в тридевятое море.
Старый шкипер, лево руля!
Рванный парус, испей ветра!
Для изгнанников море - та же земля:
есть поверхность
и есть недра.

В дымке скроются берега -
и забыты земные заботы.
Вековых страстей перегар
оставляем мы за бортом.
На заоблачные поля
только взгляд презрительный кинем.
Для изгнанников море - та же земля,
сплошь испаханная килем.

На закат,
на закат,
на закат!
Мы не ведаем, мы не знаем:
где прервем, покоя взалкав,
добровольное наше изгнанье.
Смертный одр - корма корабля,
да венец - Нептунья корона...

Для изгнанников море - та же земля,
ибо в море
тоже хоронят.
Беспощадно оболганная
и поруганная,
безнадежно изверившаяся любовь,
будь моею слезою,
стезею,
звездою,
порукою
среди оскаленных стен
и расколотых лбов.

Мы сойдемся
на улочках мертвого города -
не припомню ни времени,
ни широты-долготы...
Безмятежно упрямая

и беспомощно гордая,
все, что есть у меня -
только ты.

^
— —

VI.

*...и ныне я не камень,
а дерево пою.*
О. Мандельштам

И каждый вдох скоромен,
и ворон над жнивьем,
и царственно хороним,
и натошак живем.

Но если верно канем
в пласты червивых глин,
что бронза или камень? -
лишь тлен, и ржавь, и гниль.

Вплетай же Лихо в строку
и знай неси свой крест,
как Тот, что и не к сроку,
но все-таки воскрес.

А если уж поманит
безвременный приют -
пусть друг добром помянет
да в церкви отпоют.

Будь славой избалован
или богат как Крез -
пусть встанет в изголовье
честной сосновый крест.

Ведь если вечно падать
в разверстый прах земной -
посеявший зерно
пожнет живую память.

^
— —

ВАЛГАЛЛА

Мы - сирые дети Серого Века.
Кружат наши вехи, дрожат наши веки.
О, пресная мудрость библейского перстня!
Ужели допета военная песня?
Ужели нам прадеды наши налгали
о пиршестве храбрых -
светлой Валгалле?

Эгей вы,
последние барды и скальды!
Искусными пальцами струны ласкайте.
На новых ладах сочините баллады
о битвах лихих и высоких палатах,
где в ножны клинки ни на миг не влагая,
века напролет ликует Валгалла!

Пусть честь будет чистой,
рука будет - твердой,
как синие льды арктических фьордов.
Пусть будет что будет - но только б не смеркнуть
в постылой постели соломенной смертью.
Дорога домой коротка ли, долга ли -
мы с боем войдем
под своды Валгаллы.

^
— —

УТРО СЕДЬМОГО ДНЯ

Очнуться погруженным в тишину,
как в вату,
в нирвану, абсолютный нуль,
кромешный вакуум,
очнуться, и начаться, и начать
круговорот полузабытых стадий
творения. Как будто невзначай
придумать Слово. Вслух сказать. И стать им.

Овеществляя в новом естестве
никем не считанные степени свободы,
решить: "Да будет свет!" -
и *будет* свет,
и тьма, и день, и ночь, и твердь, и воды...
Все разделить на дух и плоть,
и в глиняную плоть вдохнуть живую душу.
Понять, что мир на этот раз неплох -
хотя бы тем, что лучше предыдущих.

...Перечеркнуть наотмашь сгоряча
и повторить все снова.
Но помнить, что в начале всех начал -
Слово.

Очнуться
погруженным в тишину...

— ^ —

НЕКРОПОЛЬ

Памяти С.Кондакова

Заснеженный перрон
с полночным небом слит.
Судьба моя порой -
как чистый лист.

Шагнуть через порог -
и вдаль?
- Едва ль...
Снимай костюм Пьеро,
комедиант-февраль!

Гусиное перо
да чистый лист.
Заснеженный перрон -
ни фонарей, ни лиц.

Рассвет губу вспорол
о жгучий холод рельс.
Пора назвать пароль -
и в рейс,

и в рейс...

^
--

© Алексей Сомов, 2002-2010.

© Сетевая Словесность, 2003-2010.

Страница открывалась с 27.02.03 891 раз